

«Молодая гвардия» — казывается, мемориальные доски на домах, где жили замечательные люди, можно вешать спустя лишь тридцать лет после смерти этих людей. Почему именно тридцать — не знает никто. То ли это испытательный срок: окажется ли гражданин достоин такой памяти современников, чтобы тратить на него довольно большие деньги. Или, быть может, через тридцать лет становится окончательно ясно, что замечательный человек не воскреснет. Или еще какая-нибудь ерунда.

Александр Моисеевич Володин ушел два года назад. Два года его друзья обивали разнообразные пороги, чтобы получить разрешение на материализацию памяти ленинградцев о любимом земляке. (У него, кстати, и прозвище было — Любимый.) Если он наблюдал за этой битвой, незримо паря над нею с рюмочкой, то уж, наверное, готов был провалиться сквозь землю от стыда, что доставляет столько хлопот...

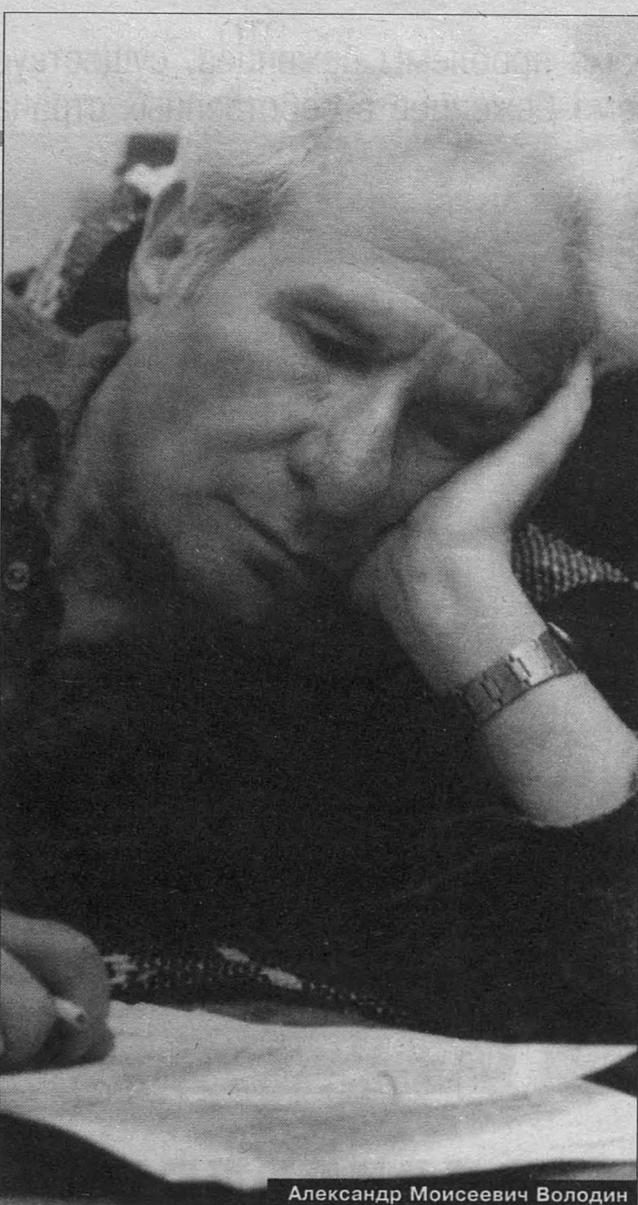
Очень готов был всегда к стыду. Говорил: мол, стыдится всего, что написал. всю жизнь, говорил, прожил в стыде, неловкости, неуверенности. Может, конечно, слегка и привирал: лукавый был человек. Лукавый и чудесный. Рассеянный, нескладный, скромности несусветной и несусветного дара. Огромный мастер.

Олби, знаменитый абсурдист, бродя с ним по рюмочным, вряд ли понял дикий абсурд жизни великого мытаря советского театра. Тут как в анекдоте: запомните, потому что понять это невозможно. 9 мая 2001 года я была у него в гостях (про Володина как-то невозможно сказать: «дал интервью»). Он много говорил про стыд и жалость, про неуверенность в себе. Я спросила, а как же мировая известность и все такое... «Что при-суще, от ситуации не зависит», — объяснили мне. И я запомнила, потому что до конца все равно не понять.

Готов к стыду... Конечно, хочется сказать: «...и обороне». Вот как раз к этому совсем не был готов. «Володину... достались наиболее хамские удары от тех, кто охранял нормы социалистического реализма. Притом от ударов он ничем не был огражден... Он даже не мог сказать, будто враги на него клеветают: он вправду нормам соцреализма не соответствовал. Вместо поэтизации силы предлагал нежность к человеку...» (Инна Соловьева).

В общем, доску разрешили. И 10 февраля, в воскресный день 85-летия писателя, в трескучий ленинградский мороз возле дома № 44 на Пушкинской собралась не так чтобы толпа, но довольно пестрая группа; детей почему-то много было (может, какая продвинутая учительница привела класс); режиссеры, артисты, писатели, обязательные окрестные дядьки с обязательной чекушкой...

Да, вот что он еще рассказывал мне, Александр Моисеевич. «Успех? — переспрашивал. — Да, случаются неожиданные. Идешь по Литейному, навстречу — молодой мужик, здоровый, но лицо сморщенное, испитое. Увидел меня, встал на колени, поднял руки вот так и говорит: «Вы тоже алкоголик!». Значит, это кому-то близко. А другому — другое близко. А кому ничего

Александр Моисеевич Володин

Архив «Новой»

ральных деятелей ощутил настоящую потребность вернуть Ленинграду хотя бы часть «энергии, связанной с Володиным». Потому что проживают иногда в разных городах люди, чье отсутствие ощущается так же сильно, как и присутствие. Окуджава — в Москве. Парджанов — в Тбилиси. Володин — в Питере. Гении места.

Я верю Александру Болонину (чей маленький театр-фан «Остров» избрал Володина не просто главным, но единственным своим автором), что «Саша» дважды во время репетиций «Записок нетрезвого человека» являлся ему: выйдет — непременно из правой кулисы, усмехнется и погрозит пальцем...

Всякие неоформленные идеи забродили сразу в нескольких головах. Головы встретились: театровед Марина Дмитриевская, режиссер и театровед Владимир Орезов, режиссер Виктор Рыжаков. Эти трое идею разминали и

лепили образ фестиваля. Чтобы без помпы. Чтобы интересно. Чтобы с приятными людьми. Потому что, как известно, «не могу напиться с неприятными людьми» («Одноместный трамвай», он же — «Записки нетрезвого человека»).

Учредителями стали БДТ, «Петербургский театральный журнал» и Театр на Литейном. Директором фестиваля выбрали верного володинца, молодого педагога Школы-студии МХАТа москвича Виктора Рыжакова. Главным координатором — гения организации, совсем молодого завлита Театра на Литейном Юлию Садовникову. Позже примкнули близкие друзья: Илья Штемлер, Болонин, знаменитые писатели и артисты. Как доставали деньги — скучная история: Минкульт, фонд «Триумф — Новый век», СТД, правительство Петербурга... Имя Кирилла Лаврова открывало многие двери. Короче, достали. В сухом остатке: семь театров из Москвы, Нижнего, Новосибирска, То-

или стихотворный — пропитан этим острым ощущением близкой разлуки, и надо успеть, успеть испробовать ее, и «стыдно быть несчастливым»...

«Дульсинея Тобосская», ТЮЗ имени Брянцева, Санкт-Петербург. Александр Кладко: «Все говорили мне: давай, сделай это, пока он жив. А через неделю я узнал, что он умер. Это было сильным эмоциональным толчком. Тем более что пьеса — о Дон Кихоте...»

«Уйти, чтобы вернуться (Ящерица)». Театр «Колесо», Тольятти. Сергей Морозов: «Человек раздираем войной. Вообще войной. Войной добра и зла, верности и предательства, любви и ненависти».

«Пять вечеров». Театр на Покровке, Москва. Сергей Арцибашев: «Володин советовал: импровизируйте, будьте свободны от меня».

Год — телефонные разговоры.

— Попробуйте вставить стихи Блока.

Пассажиры одноместного трамвая

соскучились
по Володину
и приехали к нему
на день рождения

не близко, прочитает и подумает: что за муть собачья...».

Были там знаменитые артистки, и просто женщины, о которых Володин писал лучше всех, потому что любил их и жалел, и сын Владимир Александрович Лившиц, математик из Нью-Йорка, перед которым Александр Моисеевич робел... Да, кое-какой народ собрался. Больше, чем на поминках. Почему-то мало кто поехал поминать (вспоминать) после Комаровского кладбища. А сюда, на открытие памятной доски, многие пришли. И знакомые. И те, кто при жизни называл его Сашей. Или Шурой. Кто как привык. Я так думаю — соскучились.

«За этот год я точно ощутила, как выветривается память о том, что ежедневно помнилось, пока он был жив. И уходят люди, и с Петроградской исчезает энергия, связанная с Володиным, и все труднее представить, что «троллейбус стоит, Александр Моисеевич прогуливается...». Не прогуливается».

Это написала в предисловии к сборнику воспоминаний о Володине Марина Дмитриевская, театровед, главный редактор «Петербургского театрального журнала». Книжка вышла тоже к юбилею, и издать ее было тоже очень трудно. И еще одну штучку сделать было сильно непросто. Устроить конкретно в эти же дни Первый всероссийский театральный фестиваль «ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ» имени Александра Володина.

Он так официально называется: «имени». Володину бы не понравилось. И белая мраморная доска на его доме, где жил он в скромнейшей и довольно ободранной квартире, его, конечно, стесняла бы. Но так случилось, что ряд теат-

Каждый вечер на банкетном столе — меню 50—60-х

льятти пять вечеров подряд играют в Санкт-Петербурге спектакли по пяти пьесам Александра Володина.

Главная площадка — Театр на Литейном. «С любимыми не расставайтесь» Александр Галибин поставил здесь за два месяца до смерти Володина. Станным образом близость потери отпечаталась в трагикомедии об издевательствах любви. Возможно, потому, что весь Володин, каждый его текст — театральный, прозаический

По стенам от самого потолка тянулись до пола нитки, на них крепились сотни снимков Мастера, которые можно будет в последний, пятый, вечер снять и забрать с собой. На память. Вместо доски. Отпечатанные на тонкой бумаге портретики покачивались на сквозняке, поворачивались в разные стороны — и носатое лицо оживало, и Володин Александр Моисеевич одобритительно кивал своим людям. Приятным. Тем, с которыми можно...

Алла БОССАРТ

Дверь в квартиру А.М. Володина сейчас стоит в фойе Театра на Литейном